

Н.Н. СКВОРЦОВА

**О МОДИФИКАЦИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
(на материале русскоязычных романов, мемуаров и интервью В.В. Набокова)**

Рассматриваются особенности модификации лексико-грамматического содержания действительных причастий прошедшего времени в зависимости от типовых контекстуальных условий. Установлено, что грамматическая семантика действительных причастий прошедшего времени претерпевает изменения преимущественно на уровне временного и видовых значений.

This article is devoted to the consideration of modification of the lexical-and-grammatical content of past participles with active in correlation contexts, characterized by typical originality. As a result of the research this participles are modifying primarily their temporal and aspectual meanings.

Действительные причастия прошедшего времени являются самыми «глагольными» и наиболее устойчивыми к влиянию контекстуального окружения из всех причастных подсистем современного русского языка. Модификация их категориального содержания – явление, встречающееся довольно редко и потому представляющее особый интерес.

Цель данной статьи – выявить лексико-грамматическое содержание действительных причастий прошедшего времени в русскоязычных произведениях В.В. Набокова и охарактеризовать направление модификации категориальных признаков данной подсистемы причастных форм в зависимости от типовых контекстуальных условий.

В текстах В.В. Набокова действительные причастия прошедшего времени преимущественно сохраняют свои категориальные грамматические значения. Модификация же их лексико-грамма-

тического содержания наблюдается редко и в основном в художественных текстах (таблица).

Как видно из таблицы, грамматическая семантика и действительных причастий прошедшего времени совершенного вида, и действительных причастий прошедшего времени несовершенного вида претерпевает изменения на уровне временного и видовых значений. Однако спектр выражаемых действительными причастиями прошедшего времени грамматических значений шире у действительных причастий прошедшего времени, образованных от глаголов совершенного вида.

У **действительных причастий прошедшего времени несовершенного вида** эти процессы эксплицируются в вариативных трансформах двух типов: *решавший* → *решал / решает* и *решавший* → *решал / решил*.

Уму была непостижима сложная борьба туманных мнений, высказываемых различными газетами изгнания; это разнообразие мнений особенно поразило ее, привыкшую равнодушно думать, что все, которые не мыслят так, как ее родители, мыслят так, как хромой забавник, говоривший о социологии толпе смешливых девиц («Защита Лужина»). → Уму была непостижима сложная борьба туманных мнений, высказываемых различными газетами изгнания; это разнообразие мнений особенно поразило ее, привыкшую равнодушно думать, что все, которые не мыслят так, как ее родители, мыслят так, как хромой забавник, который говорил /

¹ Речь идет о действительных причастиях прошедшего времени, позволяющих эксплицировать их лексико-грамматическое содержание посредством преобразования предложения без существенных семантических и грамматико-стилистических потерь. Используемое нами грамматическое преобразование формальной структуры исходного контекста в направлении «причастная форма → предикативная форма глагола» основывается на генетической связи причастий и глаголов, семантической корреляции и синтаксической синонимии причастных конструкций и конструкций с предикативными формами глаголов. Такое «вскрытие» контекста контекстом дает возможность обнаружить и охарактеризовать реальное содержание причастных форм, функционирующих в конкретном индивидуально-авторском стиле.

говорит о социологии толпе смешливых девиц. Контекстуальное грамматическое содержание причастной формы *говоривший* эксплицируется двумя предикативными формами глаголов: формой образующего глагола и предикативной глагольной формой со значением настоящего неактуального времени. Такие корреляции фик-

сируются редко, поскольку в подобных отвлеченных описательных контекстах для сообщения о постоянных и регулярных действиях лиц и не-лиц В.В. Набоков использует типичные для данной коммуникативной цели причастия настоящего, а не прошедшего времени.

Типовые глагольные формы, замещающие действительные причастия прошедшего времени, в процентном соотношении

Глагольные формы	Произведения						Интервью	Средний показатель
	«Машенька»	«Защита Лужина»	«Подвиг»	«Дар»	«Лолита»	«Другие берега»		
Решавший →								
<i>Решал</i>	53,6	65,64	62,61	59,14	56,57	58,55	17	53,3
<i>Решал / решает</i>	6	0,44	–	1,3	0,57	2,13	–	–
<i>Решал / решил</i>	–	0,44	–	1,12	1,14	1,28	–	–
Решавшийся →								
<i>Решался (страд. значение) / решал</i>	–	–	–	0,18	0,29	1,28	–	–
Решивший →								
<i>Решил</i>	38	30,84	34,78	36,8	39,14	34,62	83	42,45
<i>Решит</i>	–	0,88	–	–	–	–	–	–
<i>Решил / решит</i>	–	–	–	0,18	1,14	0,43	–	–
<i>Решал</i>	–	–	–	–	0,57	0,43	–	–
<i>Решил / решал</i>	2,4	1,76	2,61	0,5	0,57	1,28	–	–
<i>Решил / решает</i>	–	–	–	0,73	–	–	–	–

Примечание. Жирным шрифтом выделены численно преобладающие глагольные формы. Процентное соотношение глагольных форм определялось нами по каждому тексту (в отдельности).

*Внезапно, господа присяжные, я почувал, что сквозь самую эту гримасу, **искажавшую** мне рот, усмешечка из Достоевского брезжит как далекая и ужасная заря* («Лолита»). → *Внезапно, господа присяжные, я почувал, что сквозь самую эту гримасу, которая **искажала / указала** мне рот, усмешечка из Достоевского брезжит как далекая и ужасная заря*. Лексико-грамматическое содержание причастной формы *искажавшую* эксплицируется предикативными глагольными формами *искажала* и *указала*, поскольку в данном динамично-повествовательном контексте их видовые значения неограниченно-кратного и наглядно-примерного действия противопоставляются слабо.

Нерегулярными в анализируемом материале являются соотношения типа «*решавшийся* → *решался* (страд. значение) / *решал*». Рассматривая «актив – пассив как основную залоговую корреляцию» (Тихонов 1998, 9), при синтаксическом развертывании предложения содержание причастной конструкции мы представляем с помощью грамматических коррелятов – предикативных глагольных форм как страдательного, так и действительного залогов:

*Сомнительные произведения искусства, **собиравшиеся** неким Роджерсом в течение многих лет* («Лолита»). → *Сомнительные произведения искусства, которые **собирались** неким Роджерсом / **собирал** некий Роджерс в течение многих лет*.

Действительные причастия прошедшего времени совершенного вида, в отличие от действительных причастий прошедшего времени несовершенного вида, изменяют свое категориальное содержание не только в направлении «про-

шедшее время → настоящее время», но и в направлении «прошедшее время → будущее время», модификации подвергаются также видовые характеристики причастных форм, что отражается как в одночленных трансформам типа «*решал*», так и в вариативных типовых трансформам «*решил / решал*», «*решил / решает*» и «*решил / решает*», свидетельствующих о контекстуальной неопределенности, нейтрализующей видовое значение причастий.

*Папиросы он так и не получил, ибо Лужин задумчиво перешел в гостиную, и, глядя с благоговением на его толстый затылок, поэт думал о том, какой это чудесный шахматист, и предвкушал время, когда с **отдохнувшим**, **поправившимся** Лужиным можно будет поговорить о шахматах [...]* («Защита Лужина»). → *Папиросы он так и не получил, ибо Лужин задумчиво перешел в гостиную, и, глядя с благоговением на его толстый затылок, поэт думал о том, какой это чудесный шахматист, и предвкушал время, когда с Лужиным, который **отдохнет**, **поправится**, можно будет поговорить о шахматах [...]*. Действия, обозначенные действительными причастиями прошедшего времени, и действия, обозначенные глагольными сказуемыми, скоординированы в одном временном плане: они мыслятся как результативные гипотетические. Поэтому в целевой конструкции – глагольные формы будущего времени.

*По сведениям народовольческим, Чернышевский в июле 61 года предложил Слепцову и его друзьям организовать основную пятерку – ядро «подземного» общества. Система этих пятерок, потом **вошедших** в «Землю и Волю», со-*

стояла в том, что член каждой набирал, кроме того, свою, зная, таким образом, только восемь лиц («Дар»). → Система этих пятерок, которые потом **вошли/войдут** в «Землю и Волю», состояла в том, что член каждой набирал, кроме того, свою, зная, таким образом, только восемь лиц. Действительное причастие прошедшего времени указывает на факт, мыслимый как будущий (последующий) по отношению к основному сообщению, время действия которого оформлено глаголами прошедшего времени. Поэтому, трансформируя исходный комбинированный контекст (с различными описательными содержательно-тематическими доминантами), мы получаем двучленный ряд с предикативной формой глагола прошедшего времени – при ориентации на общее повествовательное время прошедшего, а также с предикативной формой глагола будущего времени – при учете отношений предшествования-следования и наличия временного конкретизатора *потом*.

Контекстуальное приобретение действительными причастиями прошедшего времени совершенного вида противоположного видового значения – явление редкое и нетипичное для идиостиля В.В. Набокова. Как правило, такая модификация содержания действительных причастий прошедшего времени совершенного вида наблюдается в описательно-характеризующих и описательно-процессуальных контекстах, в то время как у действительных причастий прошедшего времени несовершенного вида этот процесс происходит преимущественно в динамично-повествовательных контекстах (где сообщение о конкретном действии является преимущественной коммуникативной функцией данных причастий).

Уже несколько раз случалось, что арлекинская игра света, **упавшего** сквозь стекло на чей-нибудь почерк, так искажало его, что получалось сходство с лолитиной рукой, и это приводило меня в состояние чуть ли не обморока [...] («Лолита»). → Уже несколько раз случалось, что арлекинская игра света, **который падал** сквозь стекло на чей-нибудь почерк, так искажало его, что получалось сходство с лолитиной рукой, и это приводило меня в состояние чуть ли не обморока [...]. Необходимость координации видо-временного значения трансформации с аспектуально значимыми компонентами предложения (с обстоятельством *несколько раз*, указывающим на повторяемость действия, а также с видовым значением сказуемых, прежде всего глагольного сказуемого *случалось*) требует введения в целевой контекст предикативной глагольной формы *падал* с противоположным образующему глаголу видовым значением.

Она не позволила нам ходить по пухлым, белым округлостям, **заменившим** летние клумбы, или подлезать под волшебное бремя елок и трясти их («Другие берега»). → Она не позволила нам ходить по пухлым, белым округлостям, которые **заменяли / заменяли** летние

клумбы, или подлезать под волшебное бремя елок и трясти их. Контекстуальное грамматическое содержание причастной формы *заменившим* здесь можно представить глаголами совершенного и несовершенного вида, отражающими контекстуальную видовую нейтрализацию.

Не отличаются частотностью в рассматриваемых произведениях В.В. Набокова и контексты, в которых действительные причастия прошедшего времени совершенного вида находятся в условиях, допускающих при преобразовании равное (без принципиального изменения смысла) употребление глагольных форм с противоположными видо-временными характеристиками. Вследствие соответствующего «видового» влияния предикативной пропозиции в динамично-повествовательном контексте мы наблюдаем нейтрализацию видо-временных характеристик причастия:

*Прозевав остановку, он все же успел выскочить у сквера, сразу повернув на каблуках, как обычно делает человек, резко **покинувший** трамвай, и пошел мимо церкви по Агамемнонштрассе («Дар»).* → *Прозевав остановку, он все же успел выскочить у сквера, сразу повернув на каблуках, как обычно делает человек, который резко **покинул / покидает** трамвай, и пошел мимо церкви по Агамемнонштрассе.* Значение повторяемого действия, представленное в отвлеченно-описательной по своему характеру глагольной пропозиции (*как обычно делает человек*) динамично-повествовательного контекста, обуславливает нейтрализацию видового противопоставления, поэтому в целевую конструкцию можно ввести предикативную форму образующего глагола (*покинул*) со значением предшествующего однократного действия, а также ориентированную на общую видо-временную тональность предикативной части глагольную форму настоящего времени, выражающую типичное действие субъекта.

Таким образом, в исследованных нами текстах В.В. Набокова грамматическое содержание действительных причастий прошедшего времени преимущественно модифицируется на уровне их временного и видовых значений. В большей мере этому подвержена подсистема действительных причастий прошедшего времени совершенного вида. Как правило, эти процессы наблюдаются при функционировании действительных причастий прошедшего времени совершенного вида в описательных (преимущественно в описательно-процессуальных) контекстах, в которых коммуникативная нагрузка причастий состоит в описании-характеристике лица или не-лица, а не в сообщении о добавочном (неакцентированном) предельном действии. У действительных причастий прошедшего времени несовершенного вида переориентация собственной видовой характеристики чаще наблюдается в динамично-повествовательных контекстах, когда видо-вре-

менное значение причастия соотносится с темпоральной и аспектуальной характеристиками контекста. Показателен и тот факт, что в числе контекстов с действительными причастиями прошедшего времени нет примеров, допускающих интерпретацию признаков, обозначенных данными причастиями, как ирреальных.

ЛИТЕРАТУРА

Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. 1998.

Поступила в редакцию 23.01.08.

Наталья Николаевна Скворцова – старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания русского языка как иностранного.